

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ
ДЕТЕКТИВНЫЕ
ИСТОРИИ

Георгий Ланской

Божий промысел

Мария Брикер

Кастинг на чужую роль

Наталья Александрова

Весеннее настроение

Екатерина Барсова

Ожерелье с острова Тиу-Тиу

Дарья Калинина

Подруга бывает кусачей

Татьяна Устинова

Лучший комплимент от мужчины

Марина Крамер

Двадцать минут счастья

Наталья Борохова

Адвокатская тайна

ВЕСЕННИЕ ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В38

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

Редактор серии *А. Антонова*

В38 **Весенние** детективные истории : [сборник рассказов]. — Москва : Эксмо, 2020. — 288 с. — (Великолепные детективные истории).

ISBN 978-5-04-109587-1

Теплые лучи солнца, звонкая капель, первые тюльпаны и нарциссы... Все это весна! И, конечно, долгожданный весенний праздник, который все мы так любим! Останетесь ли вы дома или отправитесь в гости — о подарках надо позаботиться заранее. Представляем вам замечательный презент — сборник весенних детективных рассказов. Татьяна Устинова, Дарья Калинина, Наталья Александрова и другие популярные писатели подарят вашим друзьям и близким настоящую весну!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109587-1

© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

• СОДЕРЖАНИЕ •

Георгий Ланской
БОЖИЙ ПРОМЫСЕЛ

7

Мария Брикер
КАСТИНГ НА ЧУЖУЮ РОЛЬ

30

Наталья Александрова
ВЕСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

65

Екатерина Барсова
ОЖЕРЕЛЬЕ С ОСТРОВА ТИУ-ТИУ

107

Дарья Калинина
ПОДРУГА БЫВАЕТ КУСАЧЕЙ

148

Татьяна Устинова
ЛУЧШИЙ КОМПЛИМЕНТ ОТ МУЖЧИНЫ

206

Марина Крамер
ДВАДЦАТЬ МИНУТ СЧАСТЬЯ

210

Наталья Борохова
АДВОКАТСКАЯ ТАЙНА

241

ГЕОРГИЙ ЛАНСКОЙ

• БОЖИЙ ПРОМЫСЕЛ •

Горячие струи воды били прямо в лицо. Ванная медленно наполнялась паром, прогревая роскошный, но при этом неудобный интерьер. Все здесь было чересчур вычурно, напоказ, из категории «дорого-богато»: золоченые краны, вензеля на унитазе, мраморные херувимчики по углам, слепо взирающие гипсовыми глазенками на мир. Работать в таких хоромах невыносимо, жить — тем более, на это способны лишь люди с тотальным отсутствием вкуса. Я к таковым не принадлежу, но в данном случае выбирать не приходилось. Приходилось терпеть. Я даже подумал: не спеть ли мне что-нибудь для удовольствия? Но от этой затеи пришлось отказаться. Я и без того немзыкален. На уроках пения мне одному велели молчать и загадочно улыбаться, хотя душа рвалась наружу. Учительница затыкала уши, приходила жаловаться, загадочно объясняя все научным словом «мутация», а потом

уходила, окрыленная успехом, напившись чаю с булками. Мама плакала и пила валокордин, отец фальшиво сокрушался, радуясь, что теперь точно отдаст меня в Суворовское училище. В результате мечты родителей не осуществились. Я не покори́л музыкальный олимп и не стал военным. Так что сейчас вокальные экзерсисы стали бы перебором. Внутренний голос подсказал: никто их не оценит.

За дверью что-то тихо звякнуло. Я поспешно выключил воду, обмотал бедра полотенцем и вышел.

У дверей стоял чемодан. Хорошенький такой чемодан, веселой розовой расцветки, с золотистым брелочком на ручке. На кровати валялась легкая белая курточка, а у окна лениво расстегивала платье рыжеволосая красавица, томно потягиваясь, словно сытая кошка. Платье слезало неохотно, прилипая змеиной кожей к округлостям, которых было слишком много.

Весна на сегодня словно забыла, что календарно уже пришла. Расставленные по холлу отеля букетики мимозы ненавязчиво намекали мужчинам, что главный праздник женщин вот-вот наступит, но на фоне непогоды намеки выглядели неубедительно. За окном снова падал снег, да такой сильный, что редкие вороны в нем вязли, отряхивая тяжелые крылья. Красавица снимала платье, не обращая внимания ни на ворон, ни на меня, что даже обид-

но, учитывая мой рост, пресс и мужественный подбородок с ямочкой. Я шаркнул ножкой и кашлянул.

Красавица обернулась, взвизгнула, сделала двойной тулуп, умудрившись моментально влезть в платье и застегнуть его до самых бровей, как арабская жена.

— Вы кто? — спросила красавица испуганно. Я выразительно помолчал, глядя на красиво вздымающуюся грудь. Когда молчание стало совсем неприличным, ответил без особого любопытства, дабы показать свою значимость:

— А вы?

Девушка выразительно поглядела на мое полотенце, нахмурилась и строго осведомилась:

— Какого черта вы делаете в моем номере?

— Это не ваш номер.

— Не мой? А чей? Неужели ваш? — издевательски протянула она и повела подбородком, охватывая территорию номера по вытянутой синусоиде. Я снисходительно улыбнулся.

— Ну... Не то чтобы совсем мой, но вы к нему точно никакого отношения не имеете.

Кажется, эта фраза ее если и не сразила наповал, то явно заставила призадуматься. Девушка осторожно села на краешек кровати, придерживая платье, рассеянно огляделась по сторонам, а затем, ловко вывернув руки, умудрилась застегнуть молнию на спине. Я даже

хотел поплодировать такой элегантною ловкости, но она вновь заговорила, и на этот раз в ее тоне не было прежней нахальной уверенности.

— Ничего не понимаю... — медленно произнесла девушка, с сомнением поглядев на мое полотенце, из-под которого торчали волосатые ноги. — Что вы все-таки тут делаете, и где мой Пусик? Какого черта я ехала в такую даль, отменила маникюр, укладку... Господи, да разве вы это поймете? Так вот, я притащилась к черту на рога, чтобы увидеть Пусика, и вместо этого вижу в его номере голого мужика...

Голос красавицы начал медленно вздыматься до визга, и, как только у меня засвербело в ушах, я подхватил валяющийся в кресле халат, неторопливо разматал полотенце и стал медленно одеваться. Девушка захлебнулась криком и посмотрела на меня не без интереса.

— А вы ждали увидеть тут Пусика? — лениво спросил я.

Она поморгала, а глаза налились слезами, крупными, как орехи, и от этого мне стало ее невероятно жалко, а гипотетическому Пусику, которого знать не знал, сразу захотелось дать в морду, но потом до меня дошло. Я сел рядом и даже погладил ее маленькую ручку. Она ее не отдернула, что уже было хорошо.

— Кажется, я начинаю понимать, — произнес я.

Вот теперь она руку выдернула, посмотрела с ехидством и с таким же ехидством сказала:

— Ну, наконец-то. Может, попутно и мне объясните?

Ехидство в обмен на протянутую руку помощи было обидно, потому я завалился поперек постели на бок, подпер голову рукой и с любопытством поинтересовался, разглядывая ее спину, узкую и красивую, переходящую в длинную шею с двумя родинками у самой границы курчавых волос:

— Как вас зовут?

— Анжелика, — ответила она и тут же ошестинилась. — А вам зачем?

— Видите ли, Анжелика... Кажется, мы с вами собратья по несчастью, ну, или коллеги, если так вам будет приятнее.

Поскольку она сидела спиной ко мне, выражать таким образом гнев было затруднительно. Пришлось развернуться, что она и сделала, не потеряв элегантности. Свет бесконечного весеннего неба заливал ее, превращая в богиню.

— Какие коллеги? Какое несчастье? Что вы несете? — сварливо спросила богиня.

Я пожал свободным плечом и улыбнулся:

— Видите ли... Я тоже прибыл сюда на крыльях любви, мечтая, так сказать, слиться в экстазе. Сами понимаете: весна, гормоны хлещут через край...

Тут она и вовсе вытаращила глаза, а на меня посмотрела с ужасом.

— Гормоны? С Пусиком? — произнесла Анжелика, хватая ртом воздух, а потом добавила с возмущением: — Ну, знаете ли...

Я позволил себе оскорбиться:

— Ну почему же с Пусиком? За кого вы меня держите? Я что, похож на таких?

Анжелика скривилась.

— Вообще, не очень, но я слышала, что «такие» очень ловко это скрывают. У меня вот визажист из «таких», по нему очень заметно, а вот его бойфренд вполне себе брутальный бородач, этакий лесоруб на выпасе. Ручищи — как канаты...

На этот раз она замолчала вполне себе мечтательно, видимо восторгаясь руками лесоруба, а потом перевела взгляд на меня и нахмурилась, вспомнив, что вообще-то тут не одна. Я немедленно воспользовался ситуацией:

— Милая Анжелика, давайте отвлечемся от ваших лесорубов. Я приехал не к вашему Пусику, а к своему, точнее, своей. И, если я правильно понимаю, к супруге вашего.

— К супруге? Но...

Вот тут ее повело. Анжелика захлопала ресницами, а глаза мгновенно налились слезами, крупными, как тунгусский метеорит. Ее губы затряслись от обиды, и выглядела Лика в этот момент такой потерянной, что мне захотелось прижать ее к груди и утешить всеми доступными способами.

— Как же так? — прошептала она и всхлинула. — Он же говорил, что развелся...

— Не знаю, что он вам говорил, но в отель он въехал вместе с ней и именно сейчас повел ее обедать в ресторан. Так сказать, предварительно отметить Международный женский день.

Наверное, в моем голосе прозвучало чуть больше самодовольства, чем следовало в такой ситуации, поскольку Лика моментально перестала расстраиваться, прищурилась и, криво улыбнувшись, осведомилась:

— Тогда что здесь делаете вы? Ведь они вернутся, верно? И застукают вас в натуральную величину, да еще и в собственной постели.

— Ну, мне проще, — снизошел я. — После обеда моя Бубочка сообщила: Пусик отбыл на совещание, а оно затянется как минимум до полуночи. Но в случае, если супруг решит вернуться в номер раньше, меня предупредят.

— Да неужели? — скептически дернула бровью Анжелика. — И каким образом? Бубочка будет стоять на вахте у стойки ресепшена?

— Ну, зачем же сразу Бубочка? Я кое-кому приплатил. Так что меня в любом случае известят.

Она отвернулась, оставив меня любоваться безупречной спиной, и расплакалась, отчего ее лопатки затрепетали, приводя меня в смятение. Когда красивая женщина плачет в твоём присутствии, это всегда выглядит плохо, неважно — ты виновен в ее истерике или кто-то другой. И рецепт тут один: утешение, просто способы разные. Можно по плечу по-

гладить, можно дать организму выжать из себя всю жидкость. Хорошо действуют заверения, что никому не отдам, буду любить всегда, и прочее, но с незнакомками это работает плохо. Потому я придвинулся ближе, стараясь контролировать вулкан страстей под халатом, уселся рядом и начал гладить ее по голове, как маленькую. Анжелика всхлипывала, привалившись к моему плечу, и, кажется, совершенно не стеснялась всплеска своих эмоций. Если бы сейчас где-то поблизости играла сентиментальная музыка, а еще лучше — грустным голосом пела Шаде, я бы Лику в два счета утешил.

— Боже мой, какая я дура! — пробулькала она в перерывах между всхлипами. — Ведь знала, что он подлец. Мурыжил меня почти полгода, все говорил: Анжелочка, потерпи, я уже вот-вот разведусь, подарками задаривал, на море возил... Говорил: моя старуха ни на что не годна, не любит, не ценит, ласковых слов не говорит, а ты — одна моя ягодка, никому тебя не отдам... А сам... Сюда... С Бубочкой...

Анжелика взвыла и рухнула на кровать лицом в подушку, яростно колотя постель кулачками. Я осторожно погладил ее по спине, стараясь не пересекать невидимой границы, где жалость перерастает в вождление.

— Не плачьте, прошу вас! — неуклюже попросил я.

— Да как мне не плакать? — приглушенно ответила подушка ее голосом. — Он говорил: секс жену не интересу-у-ует, а у нее вон какой самец в шифоньере прячется!

— Не расстраивайтесь так. Мне ведь тоже непросто.

— Вам-то что? — пробурчала Лика. — Не вас обманули, использовали и выкинули на помойку.

— Почему же? — пожал я плечами. — У меня ситуация схожая. Если еще не выкинули, то это дело времени. Сладкие песни о грядущем разводе я тоже слышал. Правда, о женитьбе на Бубочке речь не шла, но, признаться, ее статус меня не устраивал. Я предпочитаю иметь дело со свободными женщинами. В таких ситуациях выход всегда один: бросать первым, всегда и всех.

Лика поднялась, яростно вытерла слезы и ехидно спросила:

— Бойтесь, что лесорубы попортят вам фотокарточку?

— С чего вы взяли?

— По вас видно. Вон у вас все какое... накачанное, гладенькое, насинтепоненное, прямо гладиатор в стрингах. Как с картинки. Только масла не хватает, чтобы блестел лучше. И ведь не обнимешь такого — выскользнет. Лицо у вас — рабочий инструмент, его холить и лелеять надо. Типичный альфонс!

Попытка оскорбить показалась смешной, но я не стал заострять на этом внимания. Пусть де-